

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссес Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

³² Крылов А.Л. О старине Донской области // Тр. VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1889. – Т. 4. – С. 29, 30-73.

³³ Суслов В.В. О древних деревянных постройках северных окраин России // Тр. VI Археологического съезда в Одессе. – Т. 1. – С. 253.

³⁴ Археологическая выставка VI-го съезда // VI Археологического съезда в Одессе. – Т. 1. – С. LXIX-LXXXVI.

³⁵ Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 году // ЖМНП. – 1885. – Ч. 238. – С.110.

³⁶ ГАГС. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 237. Письмо В.Н. Юргевича настоятелю Херсонесского монастыря св. Владимира о. Пахомию от 17 октября 1884 г.

³⁷ Заметка об экскурсии, состоявшейся после закрытия VI Археологического съезда, в Крым // Тр. VI Археологического съезда. – Т. 1. – С. LXXVIII-LXXX.

С.В. Ярцев (Тула, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САКРАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Городище Белинское¹, расположенное в Восточном Крыму, в начале II – первой половине III вв. н.э. прикрывало северный фланг Узунларского вала на западных рубежах Боспора². В конце первой четверти IV в. н.э. оно лишилось своих оборонительных стен, но, тем не менее, продолжало оставаться одним из самым крупных поселений в Крымском Приазовье. В это время здесь были расселены варвары из районов Северной Меотиды, известные позднее как готы-тетракситы³. Одной из важнейших сторон религиозной деятельности жителей городища являлось обеспечение сакральной защиты своего города. Позднеантичный период его истории в этом смысле не являлся исключением.

Так, после появления здесь приазовских варваров некоторых умерших стали хоронить непосредственно на городище в зольнике вдоль разрушенной оборонительной стены, вместо расположенного рядом некрополя (то есть фактически рядом с домами, где жили люди). Видимо благодаря этим захоронениям, достигалась необходимая защитная сила всего зольника в целом. Город, разрушенная оборонительная стена которого была обозначена толстым слоем золы, теперь стала защищать магическая линия защиты, неизвестной нам по имени женской богини⁴.

По поводу погребений младенцев, выявленных в этом слое, отметим, что ярко выраженная идея обратимости, единства рождения и смерти в данных захоронениях тесно переплетается с идеей плодородия. В качестве животворящих начал выступает Мать-земля, являющаяся творцом природы, и женщина-Мать, как продолжательница рода⁵. При этом глиняный сосуд, в котором часто погребали детей, в представлениях древних являл собой лоно женщины — дом для преждевременного умершего младенца⁶. Но самое

главное то, что многие дети, погребенные в основании внешних фасов стен, действительно являлись младенцами. По этнографическим данным, мать до определенного срока не могла появиться на улице с таким маленьким ребенком, не пройдя очистительные обряды. Без обряда инициации младенец еще не принадлежал общине⁷ и представлял, таким образом, некоего «недочеловека», не родившегося полностью⁸, т.к. одновременно принадлежал и подземному миру мертвых, откуда он вышел, и миру живых, в котором материально пребывал. По мнению В.В. Крапивиной, именно это обстоятельство являлось идеологической основой использования умерших младенцев в мистических ритуалах с целью обеспечения божественной поддержки, в том числе и магической защиты оборонительной стены⁹. Среди упомянутых выше погребений IV в. н.э. в зольнике, вдоль разрушенной оборонительной стены Белинского городища, есть захоронение и грудного ребенка. Более того, одно из взрослых погребений, было представлено женщиной с младенцем на груди¹⁰.

Таким образом, отметим, что погребения младенцев, в первую очередь, у оснований внешних фасов, в том числе и оборонительных стен, являлись неким защитным маркером, помечающим непосредственно сам город или поселение. Если глина – земля – женщина — явления одного порядка¹¹, и соответственно глиняный сосуд представлялся женщиной (то есть первым домом любых людей, в том числе и живущих в данной местности)¹², то не только дом, но и сам город или поселение в целом могли персонифицироваться женщиной – богиней. Скорее всего, именно идею неразрывной связи с богиней-покровительницей выражали жители города или поселения, погребая младенцев на пограничной линии или в основании оборонительных стен. Это вселяло надежду и на божественную защиту во время нападения врагов. Если это так, то статус погребенной женщины с ребенком на груди должен был иметь непосредственное отношение к почитанию женского божества. Может быть, данный обряд был связан с культом Исиды, иконографический образ которой, был представлен изображением богини с младенцем на руках. Тогда погребение на Белинском городище намеренно копировало образ Исиды, кормящей грудью Гора¹³, позднеантичное костяное изображение которой было обнаружено в разграбленном склепе расположенного недалеко некрополя¹⁴.

Обращает на себя внимание, что в римское время магические действия по защите оборонительной стены, как правило, были связаны с культом женского божества. Это хорошо согласуется с общей тенденцией (начиная еще с III–II вв. до н.э.) повсеместного роста популярности почитания Матери богов и именно в ипостаси защитницы городов¹⁵. К эпохе поздней античности многообразие женских божеств все более начинает уступать место культу синкретического Верховного женского божества¹⁶.

Из дошедшей до нас надписи из Ольвии мы знаем, что стратег и наместник Митридата VI Евпатора еще в 78–77 г. до н.э. посвятил Матери

богов куртину оборонительной стены. Защитница Херсонеса – Партенос, на монете II в. до н.э. изображена в башенной короне¹⁷. На Боспоре подобные изображения Афродиты в калафе с диадемой или с башенной короной появляются на монетах Кесарии и Агриппии в I в. н.э. в правлении Динамии, позднее постоянно присутствуют на монетах, чеканенных при Гипепирии и последующих боспорских правителях. Это связывается с возросшей опасностью и большим вниманием к обороне собственных рубежей¹⁸.

Однако, данное обстоятельство, помимо прочего, позволяет предположить наличие и сугубо узкой сакральной функции женского божества, связанной с непосредственным покровительством и защитой оборонительной стены. Видимо поэтому, из цилиндрической хлебной меры – изначального головного убора женского божества, развился стеной венец¹⁹. Принято считать, что причина традиционного античного изображения богини на троне (Кибелы и др.), лежит в представлении о ней как об обожествленной Земле²⁰. Однако женщину на престоле можно интерпретировать и как богиню верховной власти той земли, на которую власть в данном случае распространялась. Это неразрывно связано с устойчивыми представлениями, во-первых, о женщине, как о богине, персонифицирующей ту или иную землю (город или государство), а во-вторых, о священном браке, дошедшем в ритуалах и мифах вплоть до XX в. Напомним, что ритуальное совокупление с местной богиней служило залогом вступления на престол для племенных королей Ирландии первых веков н.э. Подобная традиция королевского бракосочетания с богиней известна до конца V в. н.э. и в Скандинавии, и в других странах Европы²¹. Следовательно, только добившись обрядовыми действиями отождествления своей земли с богиней-покровительницей, жители города или поселения могли рассчитывать на ее божественную помощь.

Таким образом, сакральная защита Белинского городища в IV – первой трети V в. н.э., когда здесь проживала крупная варварская группировка из Северного Приазовья, во многом была обеспечена схожими верованиями северных варваров и жителей античных поселений²². Правда, для северных культур синхронного времени не были характерны святилища-зольники (хотя зола после погребального костра считалась священной и зарывалась в отдельную яму²³, а иногда даже сбрасывалась в могилу при ее засыпке²⁴), как и ритуальные жертвоприношения собак, которых стало больше как раз в IV в. н.э.²⁵ Однако с другой стороны, именно на севере возникает такое сакральное понятие, как магическая защитная черта, принципиально отвергающая материальные укрепления, которая так ярко и проявила себя на Белинском городище.

Наличие подобных представлений проглядывается в рассказе Тацита о Матери-земле Нерте, которую в повозке регулярно провозят по землям почитающих ее племен и возвращают обратно в священную рощу (то есть по кругу?) (Tacit. Germ. 40). Напоминает этот магический обряд и рассказ

Гермия Созомена об организации готским вождем Атанарихом объезда своих земель неким идолом, также положенным в специальную повозку (Soz. VI. 37). Возможно, здесь фигурирует та же самая богиня Нерта, культ которой оказался на удивление устойчивым. Известно, что он дошел до средних веков, трансформировавшись в почитание бога плодородия Нерта²⁶. Именно с развитием культа плодородия, и в первую очередь с почитанием женских богинь Нерты и Исида, можно связать и появление к рубежу эр на севере Европы погребений по обряду ингумации. При этом, если верить поздним скандинавским источникам (Ynglinga saga, VII, X), умерший, не подвергнутый кремации, не покидал этот мир, а превращался в посредника между ним и богами плодородия. Он оставался «жить» в своей могиле²⁷, обеспечивая мир и «охраняя» границы города или поселения. Размещение большого камня в области грудной клетки или заваливание могилы слоем тяжелых камней²⁸, как и в погребениях на Белинском городище, было безусловно связано со страхом перед такими не ушедшими в потусторонний мир мертвецами.

Заметим, что смена трупосожжения трупоположением в погребальном обряде в первые века нашей эры была обусловлена повсеместным распространением веры в бессмертие души и необходимость сохранения тела умершего для будущей жизни²⁹, что было тесно связано с идеей воскресения во плоти (в своем теле). Однако, с верой в такое воскресение трудно согласовать не только обряд кремации, но и ингумацию в том виде, в каком она существовала в Барбарикуме. Ведь большая часть тел, погребенных по обряду трупоположения, также уничтожалась при ритуальном вторичном вскрытии могилы. Кости безжалостно ломались, перемешивались, сдвигались и т.д.³⁰, с целью окончательного удаления мертвеца из мира живых, возвращения тела Матери-земле и полного освобождения его души. Видимо, пока сохранялось тело (плоть и кости в анатомически правильном порядке), душа еще держалась в нем и продолжала оставаться в мире живых. Таким образом, выходит, что ингумация была нужна только для того, чтобы мертвые какое-то время «пожили» в своих могилах, как правило, до вторичного вскрытия и уничтожения скелета. Следовательно, смысл погребения по обряду ингумации состоит в намеренной задержке умершего и его души в мире живых по причине того, что в этом случае они становились идеальными посредниками между богами и людьми.

Сакрально-охранный смысл трупоположений первых веков нашей эры, очевиден. Похоже, именно в этом необходимо видеть причину отсутствия на поселениях черняховской культуры (синхронной последнему этапу существования Белинского городища) каких бы то ни было укреплений. Защита этих открытых поселков могла лежать на магии женского божества и на погребенных по обряду ингумации, тела которых еще не были разрушены при вторичном вскрытии могилы. Может быть поэтому большинство некрополей черняховских поселений расположены не только почти рядом с

жилыми домами, на расстоянии не превышающим 100 м, но и обязательно на возвышенности, откуда должно просматриваться все поселение³¹.

Что же касается Северного Приазовья и Восточного Крыма, то отсутствие погребального обряда по типу кремации среди варваров, грабивших во второй половине III в. н.э. античный мир и впоследствии расселившихся на границах Боспорского царства, позволяет высказать предположение об изначальном доминировании у них культов плодородия. Возможно даже, что в этой полиэтнической среде почиталось какое-то одно, собирательное женское божество³². Видимо, с этим культом и надо будет связать принципиальный отказ варваров от оборонительной стены на Белинском городище. Более того, противотаранный пояс разрушенной западной башни, который из-за крутого склона было проблематично засыпать слоем золы и пепла, специально был скрыт под слоем плотно утрамбованного желтого суглинка, непосредственно взятого с территории городища. Все это говорит о целенаправленных действиях по сокрытию под грунтом мощной каменной конструкции. О сохранении еще в VI в. н.э. подобных представлений свидетельствует категорический отказ крымских готов от строительства у них укреплений: «В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах» (Procop. Aed. III. VII. 16).

Тем не менее, во всех остальных религиозных проявлениях у данных варваров просматриваются бывшие античные традиции. При прочной преемственности обрядовой традиции у нескольких поколений жителей Белинского городища, расселение здесь сложного этнического конгломерата с берегов Северного Приазовья привело к процессу становления особой синкретической религии, неразрывно связанной с происходившими изменениями в идеологии как пришлых варваров, так и местного населения. Одной из самых важных сторон этой собирательной религии, как и ранее, было обеспечение сакральной защиты поселения от нападения врагов и всякого другого зла.

¹ Раскопки городища ведет с 1996 г. Белинская археологическая экспедиция Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; нач. экспедиции д.и.н., проф. В.Г. Зубарев.

² Зубарев В.Г. Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I–II вв. н. э. // БЧ. – Керчь, 2008. – Вып. IX. – С. 116-122.

³ Зубарев В.Г. Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // ДБ. – М., 2002. – Вып. 5. – С. 120-127; Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму // Проблемы истории, филологии и культуры. – М; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. – Вып. XVII. – С. 329-338.

⁴ Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу об этнической принадлежности позднеантичного населения городища «Белинское» // Роль университетов в поддержке гуманитарных

научных исследований: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф.: В 5 т. — Тула, 2008. — Т.3. — С. 17-26.

⁵ Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — С. 221-222; Бураков А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий н.э. — К., 1976. — С. 142.

⁶ Морозова Я.И. Предварительный анализ одного обряда погребений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье // VITA ANTIQUA. — К., 2003. — № 5-6. — С. 129.

⁷ Фрэнгер Дж.Дж. Золотая ветвь. — М., 1998. — С. 224-225.

⁸ Тульпе И.А., Хршановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. — СПб., 2002. — Ч. 1. — С. 163-164.

⁹ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Валентине Владимировне Крапивиной, за предоставленную консультацию по данному вопросу.

¹⁰ Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу об этнической принадлежности... — С. 17-18.

¹¹ Морозова Я.И. Указ. соч. — С. 129.

¹² Там же. — С. 129-130.

¹³ Ярцев С.В. Некоторые особенности почитания женского божества варварами Северного Приазовья и Крыма позднеантичного времени // Каразінські читання (історичні науки): Тези доповідей 63-ї міжнародної наукової конференції. — Харків, 2010. — С. 379-381.

¹⁴ Зубарев В.Г. Изделия из кости с городища Белинское и его некрополя // ДБ. — М., 2008. — Вып. 12. — Ч.1. — С. 242.

¹⁵ Русяева А.С. Отражение всеобщего кризиса III в. до н.э. в религиозной жизни эллинов Северного Причерноморья // БЧ. — Керчь, 2005. — Вып. VI. — С. 240.

¹⁶ Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. — М., 2007. — С. 211.

¹⁷ Зубарь В.М. Боги и герои античного Херсонеса. — К., 2005. — С. 22.

¹⁸ Бунин Д.С. Афродита Боспорская во II в. до н.э. — III в. н.э.: развитие образа в местной религиозной системе // Боспорский феномен. — СПб., 2007. — Ч.1. — С. 56.

¹⁹ Языческие божества Западной Европы / под ред. К. Королева. — М.-СПб., 2005. — С. 289.

²⁰ Там же. — С. 289.

²¹ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. — М., 2006. — С. 377.

²² Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу об инновационных влияниях на сакральную жизнь сельского населения Европейского Боспора в позднеантичный период (на примере сакральных объектов городища «Белинское» и его некрополя) // БЧ. — Керчь, 2007. — Вып. VIII. — С. 154-160.

²³ Археология Украинской ССР. В 3-х томах. Раннеславянский и древнерусский периоды. — К., 1986. — Т.3. — С. 130-131.

²⁴ Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э. — III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. — М., 1974. — С. 195.

²⁵ Зубарев В.Г. Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // ДБ. — М., 2003. — Т.6. — С. 139-142.

-
- ²⁶ Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. – М., 2005. – С. 166-167.
- ²⁷ Гвин Д. Викинги. Потомки Одина и Тора. – М., 2003. – С. 343.
- ²⁸ Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников) – М., 2008. – С. 147-148.
- ²⁹ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 52.
- ³⁰ Никитина Г.Ф. Указ. соч. – С. 121-122.
- ³¹ Археология Украинской ССР. Указ. соч. – С. 77-78.
- ³² Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу о религиозной жизни и этнической идентификации варваров Северного Приазовья и Крыма позднеантичного периода // Боспорские исследования. – Симферополь-Керчь, 2008. – Вып. XIX. – С.113-128.